

Изъ писемъ артиллерійскаго офицера съ австрійскаго фронта.

13-ю августа. Идемъ безостановочно впередъ. Участвовалъ въ первой „артиллерійской дуэли“. Непрiятельскую уничтожили.

20-ю августа. Сегодня дневка. Такія дневки перепадаютъ очень рѣдко, это—только третья.

Почта почти не дѣйствуетъ, благодаря безостановочному движенiю впередъ. Газетъ и извѣстiй также нѣтъ; что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ—не знаю.

По дорогамъ валяются неисчислимыя австрiйскiе обозы. Дома разрушены и разграблены мѣстными жителями, большинство которыхъ разбѣжалось подъ влiянiемъ распространяемыхъ австрiйцами слуховъ, что русскiе отрѣзаютъ носы и уши. По улицамъ городовъ валяются груды австрiйскихъ солдатскихъ писемъ безъ марокъ.

Иногда приходится быть въ сѣдлѣ 20 часовъ подрядъ. Обозы наши сильно отстаютъ.

24-ю августа. Были въ двухъ бояхъ подъ Тарнополемъ и Гнилой Липой. Взяли Львовъ. Попасть туда мнѣ лично не удалось, командировали лишь одного офицера за покупками. Порядокъ образцовый, и поѣзда уже ходятъ въ Россiю.

У насъ поваръ изъ ресторана „Францiя“ въ Алупкѣ, а лакей изъ ресторана „Россiя“, оттуда же. Питаемся дивно и даже, по временамъ, задаемъ лукулловскiе обѣды: дичь, бифштексъ, ростбифъ,—все на маслѣ. Только яицъ недостатокъ—всѣхъ куръ поѣла пѣхота. Гурты порцiоннаго скота бродятъ вокругъ биваковъ.

Пьянства нѣтъ нигдѣ абсолютно, что можно лишь привѣтствовать.

Съ 15-го іюля веду подробный дневникъ. Впослѣдствіи, если уцѣлѣю, подѣлюсь впечатлѣніями, которыхъ масса. А пока опишу бой на рѣчкѣ Гнилой Липѣ.

16-го августа, лишь къ вечеру мы подошли къ мѣсту боя, начавшагося въ этотъ день съ утра.

Нашъ дивизионъ ночевалъ недалеко отъ этой рѣчки, имя которой впослѣдствіи стало нарицательнымъ.

Лишь къ 8 часамъ стемнѣло и закончился грохотъ канонады. Ружейные выстрѣлы глухо щелкали впереди, а отъ полета пуль среди прирѣчныхъ садовъ раздавалось какое-то свистящее эхо.

Завтра намъ предстоялъ бой. Съ вечера былъ данъ участокъ позиціи, который утромъ надлежало рекогносцировать и занимать.

Весь день мы были въ движеніи, проголодались, а перекусить было нечѣмъ, такъ какъ обозъ остался позади. Хорошо, что у хозяина, радушнаго руссина, нашлись моченые огурцы и скверный хлѣбъ. Все это было съѣдено, и мы залегли спать въ халупѣ, на соломѣ.

Ночью изрѣдка бухали пушки, окатывая всю мѣстность багровыми вспышками. Иной разъ дико и нагло прохочетъ пулеметь, или какая-нибудь рота закатится частой перестрѣлкой—должно быть, чудится что-то впереди. Ночь темна, съ рѣчки поднимается сырой туманъ.

Въ 3 часа утра встали. Батарея быстро изготовилась. Люди пили чай и относились совершенно равнодушно къ можетъ быть послѣднему въ ихъ жизни дню.

При первыхъ проблескахъ разсвѣта батареи двинулись къ рѣчкѣ. Высланные вперёдъ развѣдчики рекогносцировали мѣстность и намѣтили позицію. Надъ рѣчкой и впереди, надъ неприятелемъ, стоялъ густой туманъ и ничего не было видно.

Къ 4-мъ часамъ утра мы стали на позицію и принялись окапываться. Недалеко вправо отъ батареи искусно вырыли окопъ для нашего командира подполковника А. Ѳ. Качурина, отличнаго стрѣлка ¹⁾).

¹⁾ Подполк. А. Ѳ. Качуринъ—бывшій питомецъ Нижегородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса и Александровскаго военнаго училища.

Около 5 часовъ утра началась ружейная перестрѣлка и надъ головою затянули свою унылую пѣсню ружейныя пули.

Справа, слѣва, сзади насъ стояли батареи разныхъ бригадъ, въ 2 ряда. Всѣ готовились, жадно всматриваясь въ даль, начать свою кровожадную работу. Кого-то иногда прорывало—выпускался одинъ—другой снарядъ. Но упрямый туманъ и не думалъ подниматься.

Наконецъ, за нашей спиной, взошло солнце; замѣтно потеплѣло послѣ холодной августовской ночи и все сразу ожило. Мгла быстро таяла и передъ нами стала понемногу обрисовываться мѣстность, занятая противникомъ.

Вотъ, у самыхъ ногъ, обозначилась деревушка; за нею рѣчка, сажени въ три шириною, прихотливо извивающаяся среди болотистыхъ луговъ; за рѣчкой деревня Б-цы, за нею поле, а тамъ дальше—лѣсистые холмы.

Наша пѣхота неудержимо шла впередъ, отгѣсня противника въ дальніе, прочно сдѣланные, окопы.

Сосѣднія батареи заговорили. Ихъ было много. Черезъ четверть часа нашъ клочекъ земли, въ одну квадратную версту, уже изрыгалъ пламя и свинецъ.

Что дѣлалось въ д. Б-цы и въ австрійскихъ окопахъ—я не видѣлъ, такъ какъ раздалась команда „по мѣстамъ“ и я пошелъ ко 2-му орудію своего взвода. Мы стояли за гребнемъ, абсолютно укрытые отъ взоровъ противника.

Впереди насъ, сейчасъ же за гребнемъ, хохотали наши пулеметы. Нашъ пулеметъ легко отличить по звуку отъ австрійскаго—этотъ смѣется рѣдко, отрывисто, выпуская всего около 300 пуль въ минуту. Пѣсенку заводитъ одинъ, къ нему урывками присоединяется и другой, а тамъ и третій и т. д.

Противникъ открылъ огонь по нашимъ батареямъ. Вѣроятно, пыль отъ выстрѣловъ выдавала ихъ мѣстонахожденіе. Пыль, вздымаемая выстрѣломъ,—это зло, борьба съ которымъ трудна.

Противъ насъ выяснилось 6 батарей противника по 6 орудій каждая. Непрiятельскія пушки стояли въ отлично видныхъ окопахъ на обращенномъ къ намъ скатѣ, наивно, съ нѣмецкой тупостью; лишь одна батарея ловко спряталась на опушкѣ лѣса.

Далеко вправо и влѣво, вдоль рѣчки, тоже гремѣли пушки—то были участки другихъ дивизій.

Нашъ командиръ избралъ себѣ добычу—ближайшую голу-бушку на желтомъ скатѣ, за д. Б-цы.

— „Правѣ 0—30, 90, уровень 30—0, трубка 90, полубатареею правѣ, огонь“!

Команду передавали по телефону старшему офицеру.

Было уже жарко, я снялъ плащъ, отстегнулъ ремни и сложилъ все за ящикъ, вооружился записной книжкой и карандашемъ. Зѣвать нельзя—надо слѣдить за работой людей и исправлять могущія быть ошибки въ двухъ орудіяхъ.

Ахнуло правое, высоко подпрыгнувъ и разворачивая хоботомъ пахоть. За нимъ другое и т. д. Бой начался... Команды слѣдуютъ быстро, черезъ 3—4 очереди пристрѣлка кончена.

Надъ головой летятъ наши снаряды съ батареей 2-й линіи. Они несутъ съ собою звуковую волну выстрѣла. Невольно вздрагиваешь отъ ихъ рева, а затѣмъ разливается пріятное чувство вѣры въ мощь родной пушки.

Мы учащаемъ огонь, — стрѣляемъ бѣглымъ, по 8 орудій сразу. Такой ураганъ жестокъ. Очереди бѣглаго чередуемъ: то гравата, то шрапнель. Т-я граната невыносима—она выгоняетъ людей изъ окоповъ, дѣйствуя на нихъ морально; а шрапнель поливаетъ сверху уже вылѣзшихъ.

Черезъ 3—4 минуты батарея на желтой горкѣ замолкаетъ. Мы продолжаемъ стрѣлять рѣдкимъ огнемъ—по одному орудію, чтобы она „не распускалась“.

Внезапно на ней поднимается оживленіе: летятъ передки, люди силятся поскорѣе выкатить орудія изъ окоповъ. Но А. Ѳ. Качуринъ не теряетъ мгновенія и самъ бѣжитъ къ намъ: — „115, трубка 114, безъ очереди бѣглый огонь; живѣе, молодцы“!

Нашихъ не заставишь просить. Орудія работаютъ, какъ машины; едва успѣваютъ открывать замокъ и вбрасывать новый патронъ. Въ первый разъ въ жизни я видѣлъ, на какой огонь способна наша пушка.

Недолго мы стрѣляли—можетъ быть секундъ 20. Командиръ кричатъ: „Стой! Задушили“!—Мы всѣ выбѣгаемъ изъ окоповъ впередъ на гребень и, забывая осторожность, жадно смотримъ на нашу жертву. Тамъ — тихо: пять орудій стоятъ на своихъ мѣстахъ, а около нихъ, на свѣтломъ фонѣ, чернѣютъ пятна — то смѣшавшіеся въ кучи лошади и люди, передки и зарядные ящики. Ничто не шевелится. Кто уцѣлѣлъ, удралъ, удрала въ лѣсъ и единственная пушка. Въ бинокль картина еще страшнѣе.

Къ 8 часамъ утра непріятельская артиллерія замолкла; кто могъ—бѣжалъ. Уцѣлѣлъ лишь гаубичный взводъ, гдѣ-то, невидимкой, скрывавшійся въ лѣсу. Онъ все время стрѣлялъ, из-

рѣдка посылая бомбы въ картофельное поле, шагахъ въ 100 вправо отъ нашей батареи. Съ нѣмецкимъ упрямствомъ бомбы ложились или шрапнели рвались надъ однимъ и тѣмъ же пустымъ мѣстомъ. Лишь раза два онѣ отклонились, и мое орудіе обдалъ потокъ свинца. Въ тотъ моментъ я стоялъ передъ щитомъ, рассматривая пробитую укладку заряднаго ящика и ямочки въ щитѣ отъ осколковъ.

Гаубичный снарядъ приближается медленно: слышишь звукъ выстрѣла, а затѣмъ 3—4 секунды характерное „мяу“ — почти всегда успѣешь юркнуть въ окопъ или пригнуться за щитъ или зарядный ящикъ.

Наступилъ перерывъ. Мы отдыхали. Ружейныя пули летѣли черезъ гребень, надъ головой, что служить признакомъ, что австрійцы „текаютъ“, такъ какъ они тогда стрѣляютъ, пряча голову въ окопъ и не цѣлясь. Изрѣдка пули гулко били въ щитъ или броню ящика и отскакивали, не причиняя вреда.

Около 8^{1/2} час. утра послали лѣвый взводъ впередъ, къ рѣчкѣ, въ цѣли — для моральной поддержки пѣхоты. Подпоручикъ Козловъ ¹⁾ поѣхалъ въ деревушку К-въ намѣтить скрытый путь выѣзда — и сейчасъ же былъ раненъ въ ногу навзлетъ. На его мѣсто вызвался подпоручикъ Сербиновскій ²⁾. Онъ отлично вывелъ взводъ и билъ австрійцевъ у д. Б-цы въ упоръ, на дистанцію 400 саж.

Мы же продолжали огонь по пѣхотѣ, безжалостно выгоняя ее изъ окоповъ. Едва выскочатъ — какъ ихъ поливаютъ наши „Максимушки“ ³⁾, цѣлыми десятками засѣвшіе у рѣчки.

Около 12 ч. дня бой на Гнилой Липѣ кончился. Наши неудержимо пошли впередъ черезъ рѣчку. Австрійцы жалкими толпами сповали на лѣсистыхъ холмахъ, уходя на западъ, и только неподвижныя черныя точки устилали дорогу къ далекому и заманчивому западу — Львову.

Подшли къ д. Б-цы; деревня пылала вся. Въ домахъ лопались склады ружейныхъ патроновъ и стонали заживо горѣвшіе раненые.

Тутъ же, у рѣчки, окопы австрійскіе съ бойницами и съ крытыми траншеями, по которымъ могли ѣздить патронныя двуколки. Окопы полны труповъ — наша шрапнельная пуля

¹⁾ Только-что выпущенный изъ Константиновскаго артиллерійскаго училища.

²⁾ Бывшій воспитанникъ Константиновскаго артиллерійскаго училища.

³⁾ „Максимушки“ — пулеметы.

ухитряется и въ бойницу попасть и черезъ слой земли проникнуть.

На нашей сторонѣ рѣчки—трупы русскихъ.

Мы стали обѣдать подѣ грохотъ и ревъ пожара и взрывы патронныхъ складовъ.

Всюду толпы плѣнныхъ; большинство—альпійскіе стрѣлки, лучшее войско Австріи. Они клялись не отдавать этой позиціи (фронтомъ въ 50 — 60 верстѣ), укрѣпившейся 2 недѣли германскими инженерами.

Около 2-хъ часовъ дня изъ лѣса загрохотало и съ визгомъ понеслись шрапнели: какой-то лихой австрійскій лейтенантъ видимо не пожелалъ „текать“. Бѣднягѣ пришлось плохо, ибо влѣво отъ д. Б-цы, за рѣчкой, уже была одна батарея N-ской бригады: въ ту же секунду загремѣли ея пушки и лейтенанту осталось только „текать“, оставивъ свой взводъ на мѣстѣ.

Въ 4 ч. дня мы перешли рѣчку въ бродъ и двинулись къ д. О-цы, у зеленыхъ холмовъ. Дорога и кукурузныя поля усеяны трупами австрійцевъ—все артиллерійскія раны.

Я объѣхалъ ради интереса поле. Изъ-подъ cadaго кустика стоны: подъѣдешь—лежитъ раненый, то нога перебита, то рана въ животъ, то челюсти нѣтъ. Много офицеровъ лежало, изъясно одѣтыхъ, въ гетрахъ. Смотрятъ съ мольбою. Отчаяніе беретъ, что помочь нельзя. Впрочемъ, мнѣ удалось найти санитаровъ, и я лично заставилъ перенести нѣсколько раненыхъ къ дорогѣ, чтобы вечеромъ ихъ могли подобрать фуры. Вообще, при быстромъ движеніи впередъ, помощь раненымъ оказывать трудно—некогда и некому.

Прошли еще 4 версты и стали въ д. О-цы. Темнѣло. Деревня горѣла, какъ свѣча, зажженная нашей артиллеріей¹⁾. Заревосвѣщало мѣстность верстѣ на 5. Зрѣлище ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ неописуемое по величію и красотѣ. Вокругъ трупы тирольскихъ стрѣлковъ, раненые, орудія, ящики, ружья, конскіе трупы, телячьи рыжіе ранцы и стаканы нашей шрапнели. Во время бѣгства нѣкоторыя австрійскія гаубицы падали въ воду съ откоса, нѣкоторыя впились дышлами въ заборы. Всѣ замки цѣлы и орудія въ порядкѣ. Словомъ, картина ужасной паники и растерянности.

Недалеко была „желтая горка“. Мы не подъѣзжали къ ней близко—слишкомъ много ихъ тутъ было, изуродованныхъ, страшныхъ артиллеристовъ, доблестно свалившихся возлѣ своихъ

Въ д. О-цы находились австрійскіе резервы.

5 пушекъ — трофеевъ нашего командира, ярко блестящихъ отъ пламени пожара.

Всего въ этотъ вечеръ на нашемъ пути мы насчитали 20 брошенныхъ непріателемъ пушекъ. Сколько же ихъ было въ этотъ день на остальныхъ 50 верстахъ фронта этой бойни?!

Разбили палатки, закусили и съ невиннымъ видомъ залегли спать, каждый съ мыслью въ душѣ: „дорога на Львовъ открыта“!

30-ю августа. Въ 9 ч. утра кончился 5-ти дневный бой. Австрійцы разбиты на-голову. Безумно работала наша шрапнель. Пѣхота съ почтительнымъ ужасомъ смотритъ на наши пушки.

28 августа въ 3 ч. дня убитъ осколкомъ тяжелой бомбы нашъ обожаемый командиръ 4-й батареи подполковникъ А. Ѳ. Качуринъ ¹⁾. Вотъ описаніе его кончины.

Мы стояли второй день на позиціи недалеко отъ д. Страчь. Уже второй день подъ-рядъ австрійцы гвондили по этой деревнѣ тяжелыми бомбами. Онѣ прилетали парами, или по четыре, съ промежутками въ 10—15 минутъ, и разрывались съ криканіемъ, съ какимъ-то особо зловѣщимъ звукомъ, непохожимъ ни на какіе другіе разрывы, вздымая высоко къ небу черные столбы дыма. Часть жителей попряталась, часть разбѣжалась.

Тамъ, на окраинѣ деревни, среди плетней, надъ рѣчнымъ обрывомъ, въ глубокихъ и прочныхъ блиндажахъ, стояли наши батареи.

Конечно, никакой блиндажъ не спасетъ отъ прямого попаданія, онъ лишь прикрываетъ отъ огромныхъ осколковъ.

Австрійцы методически и аккуратно обстрѣливали площадь, идя съ сѣвера на югъ. Путь, уже пройденный бомбами, обозначался обугленными развалинами, скрюченными и обожженными деревьями и огромными ямами, шаговъ въ 15 діаметромъ.

По приказанію начальника артиллеріи участка, подполковникъ А. Ѳ. Качуринъ отправился въ д. Страчь и намѣтилъ на южной окраинѣ деревни мѣсто для 4-хъ орудій нашей батареи.

Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся на батарею и лично повелъ одинъ взводъ ²⁾ въ деревню. Взводъ прибылъ благополучно, миновавъ окраину деревни, непрерывно осыпаемую какою-то невидимою батарейкою. Орудія оставили въ лощинѣ, а номера и взводъ прикрытія пошли рыть окопы по указанію

¹⁾ Подполковникъ А. Ѳ. Качуринъ уже послѣ смерти былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й ст. за бой при Гнилой Липѣ.

²⁾ К-ръ взвода штабсъ-капитанъ Короевъ, бывшій воспитанникъ Константиновскаго артиллерійскаго училища.

командира. Натаскали бревна, вырыли ровики, устроили блиндажи, благополучно поставили орудія и рѣшили приступить къ устройству окоповъ для другого взвода.

Снаряды безжалостно и неотвратно приближались, несясь неторопливо и съ мягкимъ шуршаніемъ. Вотъ они лопнули въ 100 шагахъ... вотъ уже ближе. Слыша ихъ приближеніе, люди прятались глубже.

Подполковникъ Качуринъ стоялъ открыто, жадно изучая въ бинокль непріятельскій окопъ за рѣчкой, данный задачей для нашей батареи. Потомъ онъ пошелъ по улицѣ въ окопы сосѣдней батареи, гдѣ въ блиндажѣ находился начальникъ артиллеріи участка. Въ это время въ сосѣдную хату упала бомба. Хата вспыхнула.

Обезпокоенный долгимъ отсутствіемъ командира, штабсъ-капитанъ Короевъ отправился его искать. Навстрѣчу ему бѣжитъ взводный фейерверкеръ Малышевъ съ ужасною вѣстью, что командиръ смертельно раненъ. Сейчасъ же послали за докторомъ и линейкой.

Оказалось, что послѣ взрыва бомбы, большой осколокъ ея ударилъ Александра Ѳедоровича въ бокъ, а другіе осколки перебили ему ногу. Онъ упалъ возлѣ вспыхнувшей хаты, схватившись за бокъ рукою и обливаясь кровью. Его страданія увеличивались жаромъ пожара—горяція бревна ложились около него. Случайно шедшій взводный фейерверкеръ Малышевъ подбѣжалъ къ командиру на помощь. Тотъ его узналъ, сказавъ: „Малышевъ, это ты?“ Послѣ этого Александръ Ѳедоровичъ не сказалъ больше ни слова и не стоналъ, хотя былъ въ сознаніи и по глазамъ было видно, что онъ еще понимаетъ рѣчь. Малышевъ поднялъ его на руки, несмотря на его вѣсъ, и отнесъ шаговъ на 30 отъ хаты. Здѣсь же была сдѣлана перевязка ближайшимъ фельдшеромъ. На подошедшей линейкѣ Качуринъ отправили въ Д. Онъ 3 часа страдалъ ужасно.

Въ 12 часовъ ночи похоронили его возлѣ станціи желѣзной дороги, около бивака, куда была отведена на ночь наша батарея. Тѣло командира завернули въ палатку и, отслуживъ панихиду, опустили въ яму ¹⁾. Тяжело было съ нимъ расставаться. Многіе плакали: было чувство осиротѣнія; теперь оно сгладилось,—нервы уже слишкомъ закалены...

¹⁾ Нынѣ тѣло А. Ѳ. Качуринъ покоится въ г. Севастополѣ на военномъ кладбищѣ артиллерійской бригады.

Радко-Дмитріевъ вчера совершилъ подвигъ личной отваги; дай Богъ ему уцѣлѣть—это второй Скобелевъ.

По временамъ въ бою бываютъ перерывы, тогда лежимъ въ ровикахъ и спимъ. Эти 5 дней мы обѣдали въ 4 ч. утра, а ужинали въ 11 ч. вечера. Стрѣльба кончалась въ 7 ч. вечера.

Во Львовѣ захвачены и опечатаны колоссальные запасы на 3 арміи. Интендантство доставляетъ: кофе, макароны, табакъ, а намъ, офицерамъ, еще и печеніе съ шоколадомъ, очень вкусное.

Сегодня пришла громадная залежь почты, даже „Новое Время“ отъ 17-го числа. Все-таки, видимо, много писемъ пропадаетъ.

Сейчасъ (12 ч. ночи) слышу далеко влѣво пушки—то конная артиллерія гонится по пятамъ за австрійцами.

Пишу это письмо, лежа въ палаткѣ, въ сосновомъ бору. Накрапываетъ дождь, словно слезы.

Въ 2-хъ верстахъ отсюда позиція артиллеріи. Передъ ней тысячи австрійскихъ труповъ; даже въ крытыхъ окопахъ сплошь мертвецы.

7-ю сентября. Наконецъ удалось побывать во Львовѣ. Очень интересный городъ, хотя мнѣ не совсѣмъ понравилось тамъ; во всякомъ случаѣ хуже Кіева. Гостиницы и рестораны, въ смыслѣ европейскаго комфорта, хуже русскихъ. На двухъ мажарахъ вывезъ закупки съѣстнаго для нашего стола.

Масса писемъ пропадаетъ. Мама пишетъ, что ничего отъ меня не получаетъ.

12-ю сентября. Чудный край! Красоты природы очаровываютъ взоръ. Но сырость! Даже на вершинахъ горъ болота. Дождь хлещетъ. Купаемся въ грязи, такой обильной въ этой Галиціи.

Австрійцевъ лупимъ.

30-ю сентября. Дождь ежедневно съ 30-го августа. Очень холодно. Теплыхъ вещей нѣтъ, приходится обертывать ноги газетами.

Почту не получаю почти мѣсяць—такъ не налажено это дѣло.

6-ю октября. Сдѣлавъ форсированнымъ маршемъ около 400 верстъ, мы 10-й день находимся въ непрерывномъ бою и сидимъ, зарывшись въ землю. До сихъ поръ нашу батарею еще не нащупали. Мой окопъ—просто увеличенный ровикъ для прислуги, обложенный досками для предупрежденія обвала, такъ какъ грунтъ песчаный; тамъ я лежу, укрывшись шинелью и одѣяломъ.

Впрочемъ, съ каждымъ днемъ окопъ все болѣе улучшается и приспособливается. Сразу все устраивать не хотѣлось—не

привыкли мы къ долгому сидѣнію на одномъ мѣстѣ и все время ждали, что вотъ-вотъ пойдемъ дальше.

Рабочій день начинается такъ: встаемъ съ разсвѣтомъ, часовъ около 6—7 утра, молимся Богу и, если удастся, умываемся. При первыхъ лучахъ солнца, пригрѣтые имъ, вылѣзаютъ изъ окоповъ солдаты и съ мѣста принимаются за варку излюбленной „бульбы“¹⁾. Недалеко за сараемъ стоитъ уже опорожненная кухня, выбирая минутку дать тягу въ лѣсъ. Въ воздухѣ посвистываютъ „пчелки“, иной разъ гулко шлепающія по щиту, или съ легкимъ дымкомъ бороздящія землю. Вылѣзешь наружу, отряхнешь солому и песокъ, обойдешь орудія. Часовъ въ 9 начинается гдѣ-нибудь въ сторонѣ канонада, а тамъ, смотришь, и знакомый свистъ—летятъ очередями. Опытный слухъ уже отлично различаетъ давно жданныхъ гостей: вотъ быстро, какъ на парадѣ, простучала германская батарея, а вотъ похуже—австрійская. И знаешь, откуда летятъ и куда. Обернешься и смотришь: далеко перелетаютъ, въ дальній лѣсъ, гдѣ и нѣтъ никого! Умора! Иной разъ вмажутъ совсѣмъ около—видно, что мѣсто наше давно уже подозрѣваютъ, да никакъ захватить не могутъ.

Впереди батареи, на самомъ нагорномъ берегу Сана, наша штабъ-квартира—домъ ксендза и костель. Тамъ живетъ командиръ, и туда мы ходимъ иногда обѣдать и чай пить и даже выспаться съ комфортомъ на кроватяхъ. Почти каждый день австрійцы обстрѣливаютъ этотъ домъ въ разные часы дня и ночи, но Богъ милуетъ.

Днемъ очередной деньщикъ, лавируя отъ закрытія къ открытію, приноситъ въ окопъ пищу—чай, хлѣбъ, мясо, шоколадъ, газеты и письма. Сидимъ въ конуркѣ закутанные, ѣдимъ и шутимъ, изображая изъ себя троглодитовъ: рычимъ другъ на друга, разрывая мясо, и чешемся быстро-быстро, какъ собаки. Смѣшно и грустно.

Иной разъ сами огонь откроемъ. Застучать пушки, разнесется эхо, затихнетъ ревъ снарядовъ, удаляющихся туда, за Санъ, и вдругъ донесется звукъ разрывовъ. Пріятно свой тѣ услышать—здорово рветъ!..

Къ вечеру австрійцы даютъ прощальную очередь—„журавли въ небѣ“. Оживаетъ все: появляются кухни, какіе-то солдаты бредутъ куда-то мимо. Сходишь въ домъ, пообѣдаешь, а тамъ и на боковую. Очередной офицеръ идетъ спать въ окопъ, а

¹⁾ „Бульба“—картошка.

нижніе чины—въ ближайшія хаты. Остаются лишь дежурные при орудіяхъ.

Однажды, подъ вечеръ, австрійцы стали сыпать по дому гаубицами. Какъ они не развалили дома—непонятно. Такая масса снарядовъ сыпалась—и все мимо. Одинъ лишь горный стаканчикъ пробилъ террасу и выбилъ доску, свалившуюся въ приготовленный на ужинъ студень. Наши попрятались за костель—душъ 20 было развѣдчиковъ, телефонистовъ и денщиковъ. Панъ ксендзъ съ семьей залѣзъ въ погребъ. Обстрѣлъ длился $\frac{1}{2}$ часа и упало 40 голубушекъ, изъ нихъ разорвалось штукъ 25, образовавшихъ огромныя воронки.

Ночной стрѣльбы австрійцы болѣе не производятъ—оказывается, ихъ начальство обезпечено бесполезной тратой снарядовъ. По ночнымъ вспышкамъ ихъ батарей мы опредѣляли точно ихъ мѣста засѣчками и, въ свою очередь, высыпали имъ утромъ. Поэтому австрійцы бродили съ мѣста на мѣсто, мѣняя каждый день позиціи и каждый день ведя новую пристрѣлку по тѣмъ же цѣлямъ. Оттого-то днемъ ихъ снаряды летали впустую по всевозможнымъ направлениямъ. Какъ-то мы насчитали до 500 ихъ снарядовъ, посланныхъ въ нашъ песчаный окопъ, давно нами оставленный.

Дожди прекратились, ясно, холодаетъ.

11-ю октября. Мы все еще на той же позиціи съ 27-го сентября. Артиллерійскій огонь уже 3 дня какъ прекратился. Австрійцы начинаютъ „текать“ по всей линіи. Изрѣдка пролетаютъ разрывныя пули съ пистономъ и ударникомъ. У насъ въ модѣ новое выраженіе „разопсѣть“, что значитъ „нахальничать“. Мы живемъ съ комфортомъ въ домѣ ксендза, въ 2-хъ верстахъ отъ австрійцевъ.

16-ю октября. До сихъ поръ бой на нашемъ фронтѣ не кончился, хотя огонь очень слабъ, и мы окончательно „разопсѣли“, основательно водворившись въ домѣ ксендза, который дѣлаетъ видъ, что страшно радъ „гостямъ“.

23-ю октября. Сегодня двигаемся дальше, окончивъ почти мѣсячную позиціонную войну.

Глубокая осень. Дожди пока миловали, да и холода были незначительные.

29-ю октября. Съ 23-го октября мы идемъ на западъ, преслѣдуя австрійцевъ. По дорогѣ видѣлъ до 800 плѣнныхъ солдатъ. Большинство плѣнныхъ кричатъ: „Скоро миръ! Не хотимъ воевать!“ Одинъ солдатикъ закутывалъ плѣннаго австрійца въ его одѣяло. Чтобы связать одѣяло, онъ рѣшилъ проколоть

штыкомъ дыру въ одѣялѣ у самага носа австрійца. Бѣдняга сперва страшно испугался. Потомъ солдатъ далъ ему сухарь, говоря: „Вотъ тебѣ бисквитъ; онъ такой же твердый, какъ и русскій солдатъ“. Австріецъ смѣялся, тщетно стараясь укусить сухарь.

Иной разъ идетъ солдатикъ съ плѣннымъ (каждый плѣнный несетъ свое ружье), балагурятъ, вмѣстѣ выкапываютъ бульбу, варятъ пищу и т. п.

При нынѣшнемъ своемъ отступленіи австрійцы грабятъ польское населеніе, что замѣчается въ первый разъ, говоря: „пустъ русскіе платятъ, это теперь ихъ земля“.

Недавно я осматривалъ знаменитый замокъ гр. Потоцкаго въ Ланцутѣ. Картинная галлерія, статуи и прочія вещи оцѣниваются въ 50 милліоновъ рублей.

14-ю ноября. Сейчасъ нахожусь въ горахъ. Зима, снѣгъ. Идетъ пятый для меня бой, вѣроятно опять на нѣсколько дней.

16-ю ноября. Уже третій разъ въ одну недѣлю за 24 часа совершили переходъ въ 62 версты, побивъ, такимъ образомъ, рекордъ Суворова. Преслѣдуемъ и лупимъ австрійцевъ.

Сегодня впервые узрѣлъ прекрасную, но холодную Венгрію. Бои въ горахъ кровопролитны.

Нервы развинчены отъ этихъ адскихъ впечатлѣній и отъ неимоверной усталости.

4-ю декабря. Находимся въ маневрированіи. Завтра, вѣроятно, опять пойдемъ на востокъ.

Участвовалъ въ 6 бояхъ. Усталость страшная.

13-ю декабря. На дняхъ завязывается 7-й бой. Наша дивизія уже пришла на свой участокъ. Но есть данныя, что австрійцы „утекутъ“ до боя. Мы все продвигаемся впередъ и дней черезъ 10, Богъ дастъ, снова займемъ прежнюю линію. Теперь всѣ мы страстно хотимъ вновь дорваться до Венгрии, чтобы натянуть носъ Тиссъ, сказавшему, что „гастроли русскихъ здѣсь долго продолжаться не будутъ“.

Католическій сочельникъ провели, бродя всю ночь по грязнымъ шоссе и отдыхая въ канавахъ.

Дни стоятъ теплые, какъ въ августѣ, ждешь мороза даже съ нетерпѣніемъ, какъ избавленія отъ грязи невылазной.

Несмотря на физическую усталость, толстѣю. Наша компанія ѣсть страшно, а командиръ дивизіона весь „пошелъ въ животъ“. Чувствую, что надо ѣсть меньше и съ завтрашняго дня твердо рѣшилъ прекратить такую ѣду. У насъ всѣ непьющіе. Вообще же никто не пьетъ—нечего пить.

Почты я хронически не получаю. Читалъ въ „Русскомъ Словѣ“ статью Г. Петрова о почтѣ въ арміи.

24-ю декабря. 21-го пріѣхалъ въ Львовъ въ командировку за лошадьми. Думалъ пробыть здѣсь мѣсяць, но вдругъ экстренно посылаютъ меня завтра, 25-го утромъ, на позиціи, за 150 верстъ, верхомъ.

Сюда доѣхалъ съ воинскимъ поѣздомъ прямо съ позицій. Давка и толкотня были ужасныя.

Гостиницы дороги, грязны, набиты. Радъ ѣхать назадъ.

Въ городѣ жизнь замираетъ въ 10 часовъ вечера. Есть извозчики. Магазины торгуютъ, хотя повсюду недостатокъ продуктовъ. Цѣны бѣшенныя. Офицерскія экономическія общества Московское и Одесское дерутъ во-всю.

Сейчасъ начинаютъ прибывать партіи новобранцевъ и свѣжія лошади.

Черезъ Львовъ гонятъ въ день по 3—4 тысячи плѣнныхъ. На вокзалѣ обѣдаютъ массы плѣнныхъ офицеровъ. Наши сильно потѣснили ихъ на перевалахъ и врываются снова въ Венгрію.

Снѣгъ, слякоть, гадость.

1915 г. 2-ю января. Вчера вернулся верхомъ изъ Львова, откуда выѣхалъ 25-го утромъ, пройдя въ 7 дней 150 верстъ съ большимъ эшелономъ лошадей.

Сочельникъ я провелъ въ полученіи документовъ на этапъ во Львовѣ, а Новый Годъ встрѣтилъ въ Лиско, гдѣ спалъ въ плохо протопленной кельѣ женскаго монастыря, въ которомъ мнѣ отвели квартиру. Лошадей довелъ благополучно.

Тяжелая это вещь—вести эшелонъ по этапамъ: съ каждымъ комендантомъ приходилось буквально „грызться“.

Проходилъ мѣста октябрьскихъ боевъ у г. С—а; видѣнный мною въ сентябрѣ замокъ Марины Мнишекъ неузнаваемъ—развороченъ гаубицами, остались лишь голыя стѣны.

Теперь мы стоимъ на мѣстѣ, въ горахъ.

Послѣ приказа Верховнаго Главнокомандующаго интенданты сразу заработали и на Рождество на позиціяхъ получены: папахи, полушубки, валенки, овесъ, рождественскіе подарки и корреспонденція. Богъ дастъ, дальше пойдетъ лучше.

Веду дневникъ неукоснительно, снабжая его обильными рисунками юмористическихъ сторонъ нашей жизни, въ чемъ насобачился немало.

Австрійцы „упразднены“. Наши повсюду устраиваютъ елки, не обращая на нихъ вниманія.

Вчера одинъ солдатъ подошелъ къ окопу и предложилъ имъ сдаться въ плѣнъ. Тѣ прислали мальчишку съ запиской, послѣ чего обѣ стороны пошли съ галдѣніемъ другъ на друга. Наши: „Сдавайтесь, дьяволы!“ Австрійцы: „А вы не стрѣляйте! У насъ семья!“ Съ такими возгласами, галдя, какъ на базарѣ, и размахивая руками, стороны сошлись. Австрійцевъ, около 300 душъ, построили и повели. Ихъ офицеръ крикнулъ, было „На штурмъ!“ но тутъ же былъ приколотъ.

Морозы не велики—1 или 2°. Въ окопахъ не сидимъ, стоятъ лишь пушки при часовыхъ.

Никто изъ офицеровъ нашей арміи еще не получилъ награды, не считая крупныхъ начальниковъ и георгіевскихъ кавалеровъ. Всѣ представленія гдѣ-то залеживаются.

Мнѣ рассказывали, какъ, во время моего отсутствія, наши солдаты справили елку.

Среди окружающаго насъ лѣса выбрали большую вѣтвистую ель, поставили ее въ огромномъ сараѣ и украсили бездѣлушками, картонажами и пряниками, за которыми посылали въ Россію. Стѣны и потолокъ были красиво украшены гирляндами изъ пихты и другихъ хвойныхъ деревьевъ.

Кромѣ солдатъ, были приглашены и мѣстные жители; танцевали гопака подъ гармонику и балалайки.

Австрійцы въ этотъ вечеръ сидѣли не шелохнувшись въ своихъ окопахъ и щелкали зубами отъ холода и голода. Стрѣльбы по близости не было, лишь откуда-то издалека стучали одиночныя пушки, да небо вспыхивало краснымъ отблескомъ зарева.

Кругомъ мохнатая горы, покрытая снѣгомъ, и поверхъ всего—звѣздная ночь.

Новый Годъ тоже встрѣчали хорошо: играла музыка, были пляски и, хотя и бухали пушки, но на врага нашего никто и вниманія не обращалъ.

Двѣ барышни прислали мнѣ 10 подарковъ для раздачи солдатамъ. Бросали жребій. Въ мѣшечкѣ были вложены табакъ, спички, чай, пряники и т. д. Солдаты всегда благодарятъ, для нихъ большая радость получить что-нибудь съ родины. Отъ ихъ имени я сегодня послалъ письмо добрымъ жертвователямъ.

Въ нашемъ районѣ живутъ 3 „паненки“, въ которыхъ чуть ли не всѣ повлюблялись, и теперь изъ-за нихъ идетъ забавная вражда между тремя батареями дивизіона. Одна изъ нихъ—интересная вдовушка, была замужемъ всего одинъ мѣсяць;

мужъ ея недавно тутъ же умеръ отъ холеры. На свадьбѣ плясали австрійцы, а на похоронахъ, совпавшихъ съ Рождествомъ, ея квартиру „доскочили“ русскіе.

Мимо насъ проводятъ плѣнныхъ. Сгорбленные и голодные, они одѣты, какъ лѣтомъ, въ башмакахъ со шнурками и въ тоненькихъ шинелишкахъ; иззябшія, красныя руки въ карманахъ; на плечи накинуты одѣяла. Мы даемъ имъ папирось.

А наши солдаты—въ бараньихъ полушубкахъ, валенкахъ и папахъ, толстые и бородатые, ихъ и морозъ не беретъ!

4-ю января. Вотъ описаніе нашего вторженія въ Венгрію.

Уже нѣсколько дней дивизія продвигалась горами къ венгерской границѣ, постепенно отгѣсня австрійцевъ къ переваламъ. Наконецъ они остановились на укрѣпленной позиціи, видимо желая задержать насъ подольше. Тогда послали полкъ и взводъ нашей батареи въ дальній обходъ, горами, черезъ перевалы, мѣстами—труднопроходимыми тропами.

Однако, незамѣченнымъ отрядъ не могъ забраться въ тылъ австрійской позиціи—у нихъ на всякій случай оказался заслонъ нѣсколько въ тылу и на лѣвомъ флангѣ.

На этотъ-то заслонъ и повелъ атаку полкъ. Въ 2 дня были сбиты ихъ позиціи и отрядъ все глубже и глубже врѣзался въ тылъ противника.

На помощь были посланы остальные орудія батареи, сдѣлавшія въ 24 часа около 70 верстъ, среди горъ, снѣговъ и при морозѣ. Но... подошли лишь къ шапочному разбору—противникъ „утекъ“.

Обходъ былъ такъ стремителенъ; доблестный полкъ, преодолевая природу, съ такой энергіей сбивалъ заслоны, что противникъ принужденъ былъ обратиться въ бѣгство и очистить укрѣпленную позицію, перейдя за перевалъ, уже на венгерскую землю.

Обходная колонна и дивизія сошлись въ деревушкѣ на границѣ. Наша батарея, двигаясь всю ночь, шла туда же. Ночью надо было миновать шоссе, обстрѣливаемое непріятельской батареей. Было скользко (гололедица) и очень круто. Измученныя лошади не везли. Тогда прикрытіе, состоящее изъ 50 солдатъ N-скаго полка, подъ командою капитана, X. буквально на рукахъ втащило 18 запряжекъ. Работа шла съ часу ночи и кончилась къ разсвѣту. Утромъ пришли въ деревушку и соединились съ дивизіей.

Здѣсь намъ былъ данъ отдыхъ, а одинъ полкъ пошелъ преслѣдовать австрійцевъ и быстро, лихимъ налетомъ, взялъ первый на нашемъ пути венгерскій городокъ.

Весь путь усѣянъ ранцами и ломанными ружьями, всюду гонять толпы плѣнныхъ.

Вечеромъ въ нашу деревушку, не подозрѣвая, что она занята русскими, являлись отсталые австрійцы, то въ одиночку, то партіями. Они подходили, потирая руки, погрѣться къ кострамъ и... нѣмѣли отъ изумленія, увидѣвъ русскихъ. Ночью подѣхалъ автомобиль съ подарками и письмами австрійцамъ. Шофферъ былъ пораженъ, когда наши вытащили его изъ автомобиля. Подѣхалъ австрійскій санитарный офицеръ, небрежно бросилъ поводья нашему солдатику и подошелъ къ востру. За нимъ подѣхалъ еще офицеръ. Когда послѣдній понялъ, въ чемъ дѣло, то въ ужасѣ воскликнулъ: — „Боже! Что я буду дѣлать! Сюда придетъ сейчасъ моя рота“! — „Не беспокойтесь, лейтенантъ, отвѣтили ему, для нея всегда найдется парочка пулеметиковъ на шоссе“.—И роту скоро привели безъ выстрѣла.

На другой день мы захватили большой городъ Б.

Читая въ газетахъ рассказы „очевидцевъ“, побывавшихъ на позиціяхъ, мы часто хохочемъ и говоримъ, что „эта“, молъ, собака и на 100 верстъ къ огню не подходила“. Таковы, напримѣръ, рассказы Тана изъ „Биржевки“. Иной разъ мы даже рисуемъ каррикатуры на эти рассказы.

17-ю января. Съ 11-го числа я въ 7-мъ бою. Стоимъ въ горахъ среди глубочайшаго снѣга.

Наша и N-ская дивизія отбили австрійцевъ, навалившихся съ горъ, взявъ 11.000 плѣнныхъ и пулеметы. Австрійцы почти безъ артиллеріи, не рискуютъ ее подвозить и держатъ вдали „на всякій случай“.

Мы, офицеры, эти дни поочередно сидѣли на высотѣ 600 метровъ и вели стрѣльбу батареи по окопамъ, выгоняя несчастныхъ въ „ботиночкахъ“ на свѣтъ Божій фугасными гранатами. Я зажегъ одну деревню три раза. Плѣнные, взятые потомъ изъ этой деревни, говорили, что „цырюкъ не можно робить, цалкемъ забиты были, хотѣли сецуфнемъ (текать), да насъ забрали“.

Забавно наблюдать, какъ послѣ гранаты, попавшей въ самый окопъ, оттуда вылетаетъ нѣсколько тонконогихъ фигуръ съ развѣвающимися одѣялами и во весь духъ, кувыркаясь въ глубокомъ снѣгу, текутъ за гору.

Удалось обстрѣлять и резервъ — онъ весь разсѣялся, оставивъ на яркомъ снѣгу много черныхъ точекъ.

На каждого изъ насъ сколько жизней приходится — и ничего, абсолютно никакого „чувствія“.

1-ю февраля. Теперь плѣнныхъ гонять пѣшкомъ до Львова; со всѣхъ шоссе сюда стекаются толпы оборванцевъ. Германцевъ гонять впереди шагахъ въ ста, иначе между ними и австрійцами можетъ возникнуть схватка.

На перевалахъ взято 60.000 плѣнныхъ; на одномъ этапѣ Л., принимающемъ плѣнныхъ съ фронта нашего корпуса, по книгамъ съ 10-го по 26-е января значится ихъ 26.000! Германцы натыканы всюду для спасенія положенія.

В. А. Бернадкій.

